

ТЕМА СМЕРТИ В ТВОРЧЕСТВЕ И. С. ШМЕЛЁВА

К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Диакон Дионисий Макаров
/ Денис Владимирович Макаров

доктор культурологии
профессор кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
denis.makarov@mail.ru

Для цитирования: Макаров Д., диак. Тема смерти в творчестве И. С. Шмелёва. К постановке проблемы // Богословский вестник. 2024. № 1 (52). С. 335 – 352. DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.018

Аннотация

УДК 82.091 (27-29) (821.161.1)

Основная цель исследования — выявить авторское видение и особенности художественного изображения смерти в творчестве Ивана Сергеевича Шмелёва. В работе применяются системный, сравнительно-исторический методы и метод филологического анализа. Для достижения указанной цели анализируются художественные произведения И. С. Шмелёва, в которых встречается тема смерти, в частности, романы «История любовная», «Лето Господне», «Пути Небесные», повести «Богомолье», «Росстани», роман-эпопея «Солнце мёртвых» и другие. Наиболее важные результаты исследования: в целом изучаемый автор при изображении смерти исходит из основных догм православия, а также Священного Предания Православной Церкви, при этом его авторское видение и особенности художественного изображения смерти многокомпонентны. И. С. Шмелёв подходит к художественному осмыслению проблемы смерти многогранно и разносторонне, что само по себе создаёт проблему, которая требует, в свою очередь, комплексного исследования, поэтому внутри общей темы смерти необходимо выделить несколько подтем (мотивов), исследованию которых будут посвящены дальнейшие статьи данного цикла.

Ключевые слова: литература русского зарубежья, Иван Сергеевич Шмелёв, тема смерти.

The Theme of Death in the Works of I. S. Shmelev. To the Problem Statement

Deacon Dionysius Makarov / Denis V. Makarov

Doctor of Cultural Science

Professor at the Department of Philology at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141312, Russia

denis.makarov@mail.ru

For citation: Makarov, Dionysius, deacon. "The Theme of Death in the Works of I. S. Shmelev. To the Problem Statement". *Theological Herald*, no. 1 (52), 2024, pp. 335–352 (in Russian). DOI: 10.31802/GB.2024.52.1.018

Abstract. The main purpose of the study is to identify the author's vision and features of the artistic depiction of death in the work of Ivan Sergeevich Shmelev. The work uses systematic, comparative historical methods and the method of philological analysis. To achieve this goal, the works of I.S. Shmelev are analyzed, in which the theme of death occurs, in particular, the novels «Love Story», «Summer of the Lord», «Heavenly Paths», the novellas «Pilgrimage», «Rosstani», the epic novel «The Sun of the Dead» and others. The most important results of the study: in general, the author under study proceeds from the basic dogmas of Orthodoxy, as well as the Sacred Tradition of the Orthodox Church, while his author's vision and features of the artistic depiction of death are multicomponent. I.S. Shmelev approaches the artistic understanding of the problem of death in a multifaceted and versatile way, which in itself creates a problem that requires the turn of a comprehensive study. Therefore, within the general theme of death, it is necessary to identify several subtopics (motives), the study of which will be devoted to further articles in this series.

Keywords: literature of the Russian diaspora, the work of Ivan Sergeevich Shmelev, the theme of death.

Введение

Смерть — «великое таинство»¹ — является важнейшей проблемой, встающей перед человеческим сознанием. От отношения человека к смерти непосредственно зависит отношение к жизни (в плане понимания её смысла и цели) и к культуре (как к осознанному труду человека по возделыванию, преобразованию и совершенствованию самого себя и среды своего обитания — окружающего мира):

«Решением проблемы смерти в самой сути решается основная проблема человеческого существования. Опосредованно или непосредственно, все проблемы в конечном итоге сводятся к проблеме смерти. Проведите какую бы то ни было проблему до конца — и она неминуемо разовьётся в проблему смерти. Отсюда, от решения проблемы смерти зависит решение всех остальных проблем»².

Сущность данного вопроса заключается в том, что все люди смертны и всем ныне живущим предстоит умереть:

«Человекам положено однажды умереть» (Евр. 9, 27).

И нет никаких исключений, разве что для тех, кто доживёт до Второго Пришествия Господня:

«Говорю вам тайну: не все мы умрем, но все изменимся вдруг, во мгновение ока, при последней трубе; ибо вострубит, и мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся» (1 Кор. 15, 51).

Таким образом, в границах человеческой истории это абсолютно нерешаемая проблема:

«Смерть — это факт неизбежный»³.

Вот почему во всех дохристианских религиозных традициях и философских учениях, а также в постхристианском секулярном сознании нет и не может быть решения проблемы смерти, а есть только «технология смерти»⁴ — попытка примириться с нею, приручив её (например, создав культ мёртвых) или замолчав (полностью вынеся «за скобки» жизни). Как отмечает свт. Игнатий (Брянчанинов),

1 Игнатий (Брянчанинов), свт. Слово о смерти. Москва, 2010. С. 104.

2 Свети Јустин (Поповић). Прогрес у воденици смрти. Шид, [Б. г.]. URL: <https://lib.pravmir.ru/library/readbook/275>

3 Штеман А., протопр. Литургия смерти. Москва, 2013. С. 30.

4 Там же. С. 46.

«все идолопоклоннические верования <...> обещают человеку загробную жизнь — жизнь или счастливую, или несчастную, соответственно земным заслугам»⁵.

Однако человеческому сознанию и опыту всегда было не под силу решить эту проблему, возможно было лишь найти способ примириться с ней и как-то успокоить своё сознание. Так делает, например, Эпикур, афоризм которого о смерти («когда мы есть, то смерти ещё нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет») широко известен. Однако, чтобы лучше понять мысль философа, утверждавшего, в том числе, что «бог есть существо бессмертное и блаженное»⁶, следует привести более обширную цитату:

«Привыкай думать, что смерть для нас — ничто, ведь всё и хорошее, и дурное заключается в ощущении, а смерть есть лишение ощущений. Поэтому если держаться правильного знания, что смерть для нас — ничто, то смертность жизни станет для нас отраднa; не оттого, что к ней прибавится бесконечность времени, а оттого, что от нее отнимется жажда бессмертия. Поэтому ничего нет страшного в жизни тому, кто по-настоящему понял, что нет ничего страшного в не-жизни. Поэтому глуп, кто говорит, что боится смерти не потому, что она причинит страдания, когда придет, а потому, что она причинит страдания тем, что придет; что присутствием своим не беспокоит, о том вовсе напрасно горевать заранее. Стало быть, самое ужасное из зол, смерть, не имеет к нам никакого отношения; когда мы есть, то смерти еще нет, а когда смерть наступает, то нас уже нет. Таким образом, смерть не существует ни для живых, ни для мертвых, так как для одних она сама не существует, а другие для нее сами не существуют. Большинство людей то бегут смерти как величайшего из зол, то жаждут ее как отдохновения от зол жизни. А мудрец не уклоняется от жизни и не боится не-жизни, потому что жизнь ему не мешает, а не-жизнь не кажется злом»⁷.

В дохристианские времена, при традиционном языческом родовом строе, система ценностей выражалась всегда в устном народном словесном творчестве (фольклоре), а главным субъектом истории

5 *Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о смерти. Москва, 2010. С. 105.

6 *Epicurus. Epistula ad Menoeceum 123:3 // Epicuro. Opere / ed. G. Arrighetti. Turin, 1973. P. 107.* Рус. пер.: *Эпикур. Письмо к Менекею // Тит Лукреций Кар. О природе вещей / пер., комм. М. Л. Гаспарова. Москва, 1983. С. 315.*

7 *Epicurus. Epistula ad Menoeceum 124:6 – 126:3 // Epicuro. Opere / ed. G. Arrighetti. P. 109, 111.* Рус. пер.: *Эпикур. Письмо к Менекею. С. 315–316.*

и творцом культуры ещё не являлась отдельная человеческая личность (отсюда анонимность фольклора), поэтому проблема смерти отдельного человека вообще не стояла. Род — это коллектив, и сокровенная суть похоронных ритуалов заключалась, главным образом, в предотвращении повторного прихода смерти, чтобы роду был нанесён как можно меньший урон:

«По отношению к смерти функцией религии с самого начала было её “приручение”⁸. Так называемый “первобытный человек” боится не столько смерти, сколько мертвецов. Во всех религиях мертвецы продолжают существовать после смерти, но именно это существование, эта возможность того, что они будут вмешиваться в жизнь живых, пугает последних»⁹.

Всемирное преобразование понимания смерти является результатом «христианской революции»: мёртвые возвращаются к живым, потому что они живы, потому что “смерть как разделение” преодолена»¹⁰ Воскресением Христовым — началом всеобщего воскресения. Примечательно, что эта «революция» начинается, готовится уже в Священном Писании Ветхого Завета. Если сделать небольшой свод основных аспектов понимания смерти в Священном Писании (Ветхого и Нового Заветов), то можно выделить следующие положения. Бог не творил смерти и не радуется гибели живущих (см. Прем. 1, 13), а это означает, что смерть не природна человеку и существует только временно (как искажение бытия или болезнь) и, следовательно, будет побеждена — поглощена победой Иисуса Христа (см. 1 Кор. 15, 51–58). Причиной смерти является грех (см. Иак. 1, 15), который сам понимается букв. как отклонение от установленной цели жизни (*греч.* ἀμαρτία), но память о смерти предохраняет человека от греха (см. Сир. 7, 39), потому что после смерти человека ждёт суд (см. Евр. 9, 27). Перейти от смерти в жизнь можно уже в этой жизни, приняв дар Божий — жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем (см. Рим. 6, 23). Знаком же того, что это совершилось (что человек перешёл из смерти в жизнь) является любовь к братьям:

«Мы знаем, что мы перешли из смерти в жизнь, потому что любим братьев; не любящий брата пребывает в смерти» (1 Ин. 3,14).

8 Выражение Ф. Арьеса «приручить смерть» означает нейтрализовать её разрушающее влияние на жизнь.

9 Штеман А., *протопр.* Литургия смерти. Москва, 2013. С. 45.

10 Там же. С. 81.

В завершающей Священное Писание Нового Завета книге Откровения Иоанна Богослова смерть утверждается как предел человеческого терпения и в то же время как последнее упование человека. Господь заповедует верующим людям последних времён сохранять верность Ему до смерти:

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни» (Апок. 2, 10).

В каком-то смысле отношение, подготовительное к подобному пониманию смерти, можно встретить уже в Священном Писании Ветхого Завета, например:

«Доброе имя лучше дорогой масти, и день смерти — дня рождения» (Еккл. 7, 1),

«Крепка, как смерть, любовь» (Песн. 8, 6).

Таким образом, в Священном Писании выражается целостное отношение к смерти, учитывающее её трагическое присутствие в истории человечества, однако утверждающее её временный характер и торжество над ней жизни вечной во Христе Иисусе, Господе нашем, победившем смерть Своим Воскресением. Такое отношение к смерти формируется в христианском сознании.

Что же касается светской культуры, следует отметить, что формирующие её факторы порой чрезвычайно многообразны и неоднозначны, тем не менее господствующее в общественном сознании отношение к смерти всегда является показателем состояния духа общества (или достаточно большой социальной страты) в ту или иную историческую эпоху. Мировая история и культура наглядно свидетельствуют об этом. Обратимся к книге «Человек перед лицом смерти» Филиппа Арьеса, которого протопресвитер Александр Шмеман считал «лучшим специалистом в области истории смерти»¹¹. В предисловии к ней медиовист Арон Яковлевич Гуревич отмечает, что «в восприятии смерти выявляются тайны человеческой личности» и определённое отношение к смерти проливает свет на «отношение людей к жизни и ее основным ценностям»¹². Вот почему так важно свидетельство художественной литературы, произведения писателей и поэтов, отражающие жизнь как всего общества, так и отдельного человека в разные исторические

11 Шмеман А., *протопр.* Литургия смерти. Москва, 2013. С. 32.

12 Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // Арьес Ф. Человек перед лицом смерти. Москва, 1992. С. 9.

эпохи в художественных образах. Как утверждают исследователи отечественной словесности, «художественно-мистическое осмысление явления “смерть” — одна из самых важных тем русской литературы»¹³. Есть даже мнение, что в русской литературе ведущей темой является именно «схватка жизни и смерти»¹⁴, и вся русская литература усиленно ищет силы и средства, преодолевающие смерть.

Особенности художественного изображения смерти в русской литературе XIX – начала XX веков

В русской словесности XIX — начала XX веков, наверное, нет такого художника, в творчестве которого не звучала бы тема смерти. А. С. Пушкин, Н. В. Гоголь, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Л. Н. Толстой, Н. С. Лесков, И. А. Бунин, Л. Н. Андреев и многие другие — все уделяли внимание данной теме.

Так, состояние непонятного страха перед смертью прекрасно выразил М. Ю. Лермонтов:

«Боюсь не смерти я, О, нет! Боюсь исчезнуть совершенно»¹⁵.

Поэта страшит «бессмысленное поглощение мирозданием (его) человеческой индивидуальности»¹⁶. Именно это страшит человека Нового времени — личности, осознающей свою уникальность и свою смертность. Знание о бессмертии, хранимое всеми религиями, даже языческими, и утверждённое христианством, ставится в эпоху рационализма и атеизма под сомнение. И человеческий дух, лишившись одной из основных своих опор — знания о своём бессмертии — бунтует против нового рационалистического представления, поставившего под сомнение очевидные жизнеутверждающие истины.

К примеру, А. С. Пушкин, следуя давней традиции, пытается преодолеть смерть, хотя бы частично, силой творчества:

«Нет, весь я не умру — душа в заветной лире
Мой прах переживёт и тленья убежит»¹⁷.

13 Саблина Н. П. «Жизнь жительствоует»: тема смерти и бессмертия у русских поэтов // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7. Петрозаводск, 2005. С. 112–124.

14 Сокурова О. Б. Схватка жизни и смерти как ведущая тема русской литературы // Русская литература. 1996. № 4. С. 216.

15 Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Т. 1. Москва; Ленинград, 1948. С. 164.

16 Лермонтовская энциклопедия. Москва, 1980. С. 310.

17 Пушкин А. С. Сочинения в трех томах. Т. 1. Москва, 1985. С. 586.

М. Ю. Лермонтов пытается обратить смерть в сон, в котором человек и природа примирились бы навеки:

«Надо мной чтоб, вечно зеленея,
Тёмный дуб склонялся и шумел»¹⁸.

И. С. Тургенев внимательно вглядывается в современные ему данные магнетизма, о котором в его произведениях говорится, что он [магнетизм. — Д. М.] «нам доказал влияние живой человеческой души на другую человеческую душу»¹⁹. Известно, как из писем писателя, так и из его творчества, что «мысль о “вечной проблеме смерти”, о тщете всего земного <...> присутствует во всем творчестве»²⁰ писателя. Тургенев напряжённо ищет путей преодоления смерти. В повести «После смерти» (название которой само говорит о направленности мысли автора) писатель обращается и к фольклорной традиции, и к предшествующей литературной, и даже к Библии, пытаясь утвердить истину бессмертия души. Но всё у него ещё только в догадках, всё неясно. Смерть все же остается для него неразгаданной тайной²¹. Герой последней повести И. С. Тургенева «После смерти» Аратов подходит к осознанию бессмертия души:

«А душа, разве она не бессмертна?»²²

Он вплотную пододвигается к истине, выраженной в Библии:

«Любовь сильнее смерти»²³.

Но само понимание любви у него, конечно, иное, чем в Библии. Аратов поглощён чувством любви к умершей Кларе, и для него значение слова «любовь» простирается только в этой плоскости: любимый — любимая. Его состояние, подобно состоянию гоголевского художника Пискарева («Петербургские повести»), является скорее состоянием страсти — бесовского наваждения, чем истинной жертвенной любовью, поэтому в его состоянии возможно только опьянение, всё более

18 Лермонтов М. Ю. Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград, 1948. Т. 1. С. 94.

19 Тургенев И. С. После смерти. Москва, 1992. С. 13.

20 Мостовская Н. Н. Повесть Тургенева «После смерти» в литературной традиции // Русская литература. 1993. № 2. С. 146.

21 См. об этом: Тургенев И. С. Письмо к П. Виардо от 9/21 марта 1871 г. // Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем. Письма. Т. 17. С. 279.

22 Тургенев И. С. После смерти. Москва, 1992. С. 118.

23 Там же. С. 119.

глубокое погружение в нереальный мир сна, в искусственную новую реальность — фантастическую, сказочную, то есть в мир призраков.

Л. Н. Толстой пытается избавиться от страха смерти при помощи софизма в духе Эпикура («когда мы есть — смерти нет, когда смерть есть — нас нет»). Его герой приходит к выводу, что ничего нет: ни жизни, ни смерти, поэтому вообще нечего бояться («Смерть Ивана Ильича», особенно «Записки сумасшедшего»). Но Л. Толстой преодолевает страх смерти не только при помощи философского умозаключения, он проводит своего героя через мистический опыт смерти. В повести «Смерть Ивана Ильича» автор приоткрывает завесу в иной мир и заглядывает туда, откуда, как говорят, никто не возвращался. Л. Н. Толстой дерзает, основываясь только на данных личного рассуждения и, возможно, некоторого умозрительного «опыта», предложить миру новое учение о смерти. Л. Н. Толстой создаёт особую концепцию смерти. Согласно писателю, там, за гранью жизни — «свет» и «радость»:

«Он искал своего прежнего страха смерти и не находил его. Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет. “Так вот что! — вдруг вслух проговорил он. — Какая радость!”»²⁴

На первый взгляд, этот опыт подобен христианскому. Но в самой сути это не так. Свет Л. Н. Толстого не персонифицирован. Это безликая сила, энергия иного мира («космическая энергия»), в эзотерической терминологии — сила «тонкоматериального» или «астрального плана бытия»²⁵. Таким образом, писатель, соприкасаясь с эзотерикой, предвосхищает современную концепцию Р. Моуди²⁶. Главное в ней — отсутствие идеи посмертного суда. После земного сразу следует «небесное»: лучшая форма бытия, с ещё более яркими ощущениями и возможностями. По мнению критика, у Л. Н. Толстого «подход к жизни и смерти “экуменический”, то есть Л. Н. Толстой охватывает все явления, в том числе чуждые ему как личности»²⁷. Для героев этого русского писателя смерть — это пробуждение от жизни, которая есть ложь, смерть — это исцеление, смерть — это свет и радость, это возвращение к цельности.

У Н. С. Лескова «смерть не просто неминуемый итог жизни, отношением к смерти, вызовом ей проверяется нравственная состоятельность

24 Толстой Л. Н. Собрание сочинений. Т. 10. Москва, 1952. С. 320.

25 Ковалева Н. Е. Письма Махатм. Москва, 2011. URL: <https://djvu.online/file/lW8EZmHOT9GTm>

26 См.: Моуди Р. Жизнь после жизни. Москва, 2005.

27 Романович А. Освобождение Толстого // Русская литература. 1996. № 2. С. 238.

личности»²⁸. Так, герой «Очарованного странника» хочет за народ умереть, герой «Несмертельного Голована» приносит в жертву часть своего тела. Христианский идеал жертвенной любви («Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» (Ин. 15, 13)) используется писателем как основное мерило нравственной высоты персонажа. Отношение к смерти у Н. Лескова, таким образом, не только эстетическое, как у И. С. Тургенева и затем у И. А. Бунина (и не такое болезненное, как, например, у Л. Н. Андреева), а этическое: смерть — средство утверждения нравственной высоты человека.

У основоположника литературы экспрессионизма Л. Н. Андреева смерть — это непреодолимая стена (например, в рассказе «Стена»), которой ограничена жизнь человечества²⁹. Исходя из этой непреодолимости, герой рассказа «Елеазар» Август обосновывает концепцию жизни ради жизни, то есть смысл жизни заключается в самой жизни. Герой Андреева тем не менее испытывает ужас перед лицом смерти, для него она — мрак и конец всего либо, с другой стороны, безумное самоутверждение в возможности проявления своей свободы — в самоубийстве (например, «Рассказ о Сергее Петровиче»), в духе Ницше.

У другого классика, лауреата Нобелевской премии И. А. Бунина смерть, по замечанию критика, «имеет вневременную природу»³⁰. Это выход из бытия, исчезновение человека из числа живых, безвозвратная потеря способности жить и наслаждаться жизнью (например, в рассказе «Человек из Сан-Франциско»). Смерть героя изображается со стороны, глазами живых. Сам герой не видит, не слышит, он словно бы перестаёт существовать как личность.

Особенности художественного изображения смерти в творчестве И. С. Шмелёва

Данный ряд можно продолжать бесконечно, понимая при этом, что особенности авторского видения и художественного выражения проблемы смерти у каждого писателя или поэта заслуживают не одного отдельного научного исследования. Каждый художник имел особое, по сравнению

28 *Дмитренко С. Ф.* Смерть в сюжетах произведений Лескова // Русская литература. 1996. № 2. С. 216.

29 *Чуваков В. Н.* Между стеной и бездной // *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений. Т. 1. Москва, 1990. С. 3–19.

30 *Герасимов Ю. Н.* Философия смерти в лирике Бунина // Русская литература. 1996. № 2. С. 236.

с другими, понимание и художественное видение смерти, что было также характерно для И. С. Шмелёва.

Обращение к изучению темы смерти у Шмелёва напрашивается у исследователя само собой, ибо данная тема присутствует у него практически в каждом значимом произведении. Так, в романе «Лето Господне» (1934–1944 гг.) вся третья часть («Скорби») посвящается умиранию отца Вани, а вторая часть («Радости») наполняется различными предзнаменованиями этого трагического события, приуготовляет сознание близких к смерти отца. В первой части романа («Праздники»), особенно в главе «Ефимоны», где изображается начало Великого поста, автор проводит автобиографического героя Ваню через первое осознание всеобщей смертности людей, через страх гибели и радость утешения, обретаемое Ваней в вере.

В повести «Росстани» (1913 г.) автором проводится мысль о краткости и суетности человеческой жизни, о необходимости подготовки к переходу в иной мир. В эпосе «Солнце мёртвых» (1923 г.) автор раскрывает картину всеобщей смерти: умирают люди (насильственно и от голода) и животные, погибает русская культура, ниспровергаются все нравственные ценности — разрушается весь мир. Сильно звучат здесь апокалипсические мотивы конца света. В повести «Богомолье» (1931 г.) мысль о внезапности и неизбежности смерти («Делов-то пуды, а она — туды»³¹) становится решающим фактором отправления героев на богомолье в Троице-Сергиеву Лавру, проявления заботы о спасении души, несмотря на самый разгар сезонных работ. Кроме того, описанию смерти персонажей Шмелёв уделяет место и в романе «История любовная» (смерть кучера Степана, пастуха и его невестки), и в романе «Няня из Москвы» (1936 г.) (смерть родителей Кати), и во многих других произведениях.

Присутствие мотива смерти в прозе Шмелёва видны невооружённым глазом: факты многочисленны и разнообразны. При обращении к изучению данной темы у Шмелёва становится ясно, что она — одна из центральных у писателя, что её художественное решение тесно связано с коренными особенностями его мировоззрения. Важно, что для Шмелёва жизнь человека не кончается со смертью тела, поэтому писателя интересует и посмертная судьба героев. Но оценку этой судьбы Шмелёв даёт не так, как это делали, например, Л. Н. Толстой («Смерть Ивана Ильича») или Л. Н. Андреев («Дневник сатаны»), которые при помощи художественной фантазии заглядывали глазами героев

31 Шмелёв И. С. Богомолье. С. 392.

в «мир иной». Шмелёв проясняет свой взгляд на посмертную судьбу героев, не впадая в это искушение (то есть не пытаюсь изображать видения иного мира, как нечто происходящее с его героями), а по другому: либо через комментарий положительного героя (резонера), как в романе «Няня из Москвы», либо через эмоциональный тон повествования (радостная, мажорная тональность), как в повести «Росстани», либо через стечение обстоятельств и описания различных предзнаменований и пророчеств, как в романе «Лето Господне».

Изображая того или иного героя, автор задаётся вопросами о том, как он умер или как он может умереть. Ваню («Лето Господне») интересует посмертная судьба Горкина: «Кто он будет, — думаю о нём, — свято-мученик или преподобный, когда помрёт?»³² Изображая смерть отца Вани, автор подчёркивает, что выполнены все христианские обряды: «Всё — как православному полагается»³³. А другой персонаж, Жирнов, не сподобился этого, что для автора важно. В рассказе «Про одну старуху» сын, проклятый матерью, сразу же после проклятья получает наказание за свой грех — совершает самоубийство.

При этом для прозаика важны не только обстоятельства смерти, но и её нравственная христианская трактовка. Это показывает, что и в данном вопросе при описании смерти И. С. Шмелёв исходит из православной традиции. Христианская оценка часто звучит из уст тех героев, которым автор «доверяет» своё видение событий. Так, в романе «Няня из Москвы» героиня даёт нравственную оценку жизни и смерти персонажей. Например, она раскрывает глубинную причину смерти садовника — жадность: «Зарился — земли бы побольше, от земли и помер»³⁴. Также она прозревает загробную участь графини, пытавшейся убить Васеньку и Катю, а после покончить с собой: «Ну, какое ей Царство Небесное, мучается там, такой грех...»³⁵.

В произведениях И. Шмелёва важными оказываются все подробности смертного часа человека. Прежде всего, это показывает, что писатель часто буквально следует за православным Преданием. Оттого Шмелёв ничего не пропускает и не обходит своим вниманием, так как ему хорошо известна цель всех этих «мелочей». Ведь в святоотеческих текстах, в агиографической литературе, с которой он был, без сомнения, хорошо знаком, образ (и ход) смерти столь же важен, как и образ

32 Шмелёв И. С. Лето Господне. С. 65.

33 Там же. С. 377.

34 Шмелёв И. С. Няня из Москвы. Т. 3. С. 94.

35 Там же. С. 184.

жизни. Иногда в житиях святых с большими подробностями сообщается, как именно почил тот или иной христианский подвижник. Например, в «Житии великомученика Пантелеимона» описание его предсмертных мучений занимает, приблизительно, две трети, а во многих житиях мучеников и больше половины объёма. В житиях же преподобных обращается особое внимание на кончину, считается, что по образу смерти можно определить и загробную участь. Например, в «Прологе»³⁶ описан случай, когда один монах, которого все считали нерадивым, умирал как праведник. Все были удивлены и обратились к нему с вопросом, как он мог заслужить такую милость. Оказалось, что у него была тайная добродетель (он никогда никого не осуждал), за которую Бог и дал ему праведный конец и спасение. Будучи человеком, хорошо знающим агиографическую литературу, И. С. Шмелёв переносит свои знания, понимание таинственных законов смерти на своих героев. Ведь главный предмет его творчества — описание подлинно христианской жизни, а стало быть, и смерти.

И. Шмелёва волнует, кроме того, предсказанность или, напротив, внезапность смертного часа. Одних его героев смерть постигает внезапно, другие имеют возможность подготовиться к ней, заранее узнав свой срок. Однако не все его персонажи, даже узнав о своем скором конце, используют оставшееся время для христианского приготовления к смерти. Например, для автора важно, что родители Кати в романе «Няня из Москвы» не принимают этого последнего призыва к покаянию и шанс на спасение, а Сергей Иванович в романе «Лето Господне» с верой и смирением принимает все таинства. Конечно, посмертная участь их душ, по Шмелёву, различна. Шмелёв, как автор, наблюдает определённую закономерность и даёт возможность предсмертного покаяния праведникам, людям высокой нравственности, таким как отец Вани — Сергей Иванович, иногда и грешникам, но кающимся, ещё сохранившим что-то чистое и доброе в душе, ещё способным на перерождение, таким как Данила Степанович («Росстани»), Мартын-плотник («Богомолье»). Людям же, закореневшим во зле и страстях, Шмелёв не предоставляет такой возможности в своих произведениях, а если она всё же даётся, герои сами её не используют, отвергают. Всё это показывает, что сам Шмелёв переживает и описывает смерть не только эстетически, как, например, И. А. Бунин или Л. Н. Андреев,

36 О неосуждении ближних [30 марта] // Пролог в поучениях: на каждый день года / сост. прот. В. Гурьев. Почаев, 2007. С. 414–415. Со ссылкой на слово прп. Анастасия Синайского «о некоем отце преставльшемся, иже не осуди никогоже».

и не только этически, как, например, Н. С. Лесков, и не экуменически, как Л. Н. Толстой, а прежде всего религиозно, и не просто религиозно, но в согласии с Преданием Православной Церкви. Ещё одной особенностью художественного мира Шмелёва является то, что его герои (Горкин, Сергей Иванович («Лето Господне»), няня («Няня из Москвы»), официант Скороходов («Человек из ресторана»), горничная Паша («История любовная»), Дарья («Пути небесные») и многие другие) являются прежде всего православными христианами, ибо основой их мировоззрения и поведения (и это особо акцентируется в текстах произведений) является православная вера. Эти герои — люди простые, не всегда грамотные, глубоко укоренённые в вековых укладах русской православной жизни. Они являются носителями действенной христианской любви, ибо способны на самопожертвование, как, например, горничная Паша в «Истории любовной». Умирают они так, как и должны умирать христиане: с верой в загробную жизнь, с покаянием и причастием, с чаянием грядущего всеобщего воскресения мёртвых и вечной жизни. Так, например, умирает Сергей Иванович («Лето Господне»):

«Хорошо его душеньке, легко. И покаялся, и причастился, и особенно... всё — как православному полагается»³⁷.

Шмелёв акцентирует внимание на том, что хорошо теперь «его душеньке», но не телу, которое страдает в предсмертной агонии. Автор утверждает тем самым, что человек представляет собой единство души и тела и что душа бессмертна. Смерть же есть отделение от тела бессмертной души:

«Все души — бессмертные, не отмирают»³⁸.

Данный взгляд на смерть автор вкладывает в уста одного из самых симпатичных своих героев — старого плотника Горкина, наставника маленького Вани:

«А чтобы душеньке легче изойти из телесе... Приросла к телесе-то, вся опутана, будто верёвками-узлами, с телесе-то... А душенька-то со всем телесем срослась, она его живила, кровь ходила через её, а то бы и не был жив человек. А как приходит ей срок разлучаться, во всём великая боль, и в телесе-то уж порча пойдёт...»³⁹.

37 Шмелёв И. С. Лето Господне. Т. 4. С. 377.

38 Там же. С. 385.

39 Там же. С. 378.

Таким образом, И. Шмелёв акцентирует, в отличие от других писателей, догматический момент: смерть — разлучение души и тела. После смерти тело начинает разлагаться, и это уже не сам человек: Ваня чувствует, что лежащее во гробе тело его отца уже не есть его отец. Подходя попрощаться и заглядывая во гроб, он думает:

«Это не... это совсем другое...».⁴⁰

Ваня задумывается: «Какая душа?» — он даже пытается разглядеть её:

«Я сажусь в уголок и стараюсь её увидеть. Зажмуриваюсь... — и вижу: он здесь, со мной! сидит в кабинете, щёлкает на счётках, глядит на меня через плечо и ласково морщится, что я мешаю...»⁴¹

Через это детское восприятие И. Шмелёв открывает, что душа и есть собственно человек, то есть его жизненное содержание, его личность, которая продолжает существовать и после смерти.

У Л. Н. Толстого в изображении смерти присутствует мистический элемент, его герой прозревает в «иной мир», его озаряют свет и радость потустороннего бытия. А у И. С. Шмелёва знание об «ином мире» содержится в вере героев, и автор не рискует изображать посмертный опыт глазами умирающего, как делает Л. Толстой. А если И. Шмелёв и говорит о таком опыте, то опять же в русле православного предания, например, о блаженной Феодоре и её хождении по мытарствам (например, в романе «Лето Господне»).

Что же происходит с душой после её выхода из тела? Этот вопрос И. Шмелёв решает тоже православно: после смерти душу ожидает частный суд, праведные души попадут в рай, а грешные — в ад. Для иллюстрации этой истины Шмелёв описывает находящиеся в каморке у Горкина на стене две картинки: «Смерть праведника» и «Смерть грешника». Участь их душ различна: праведника берут ангелы и несут в рай, а грешника забирают страшные, зелёные «эти», которых герои И. Шмелёва даже не называют по имени.

Горкин учит Ваню не бояться смерти: «Так и душа: одёжку свою на земле покинет, а сама паром выпорхнет. Грешники, понятно, устрашаются, а праведные рвутся даже туда»⁴² [в рай. — Д. М.]. Для того чтобы не бояться телесной смерти, «мы приуговляться должны, добрую

40 Шмелёв И. С. Лето Господне. Т. 4. С. 382.

41 Там же. С. 381.

42 Там же. С. 253.

жись блюсти»⁴³, бояться же следует погибели душевной: «А то, как праведности не заслужим, вечная разлука будет, во веки веков...»⁴⁴. Здесь под образом «вечной разлуки» Шмелёв вводит в сознание своих героев (и читателей) понятие о второй смерти — смерти души, вечной её погибели, которая может постигнуть душу уже после смерти тела.

Таким образом, Шмелёв ставит загробную участь в зависимость от нравственного содержания человека, используя категории «праведность» и «греховность». Для его героев такое представление о смерти становится основой нравственности. Шмелёв концентрирует внимание своих героев на этих «последних вещах» (смерть, посмертный суд, воздаяние, ад, рай). В религиозном сознании его героев смерть становится «экраном», на который проецируется вся жизнь человека, все жизненные ценности⁴⁵.

Заключение

Таким образом, можно утверждать, что в целом Иван Сергеевич Шмелёв при изображении смерти исходит из Священного Предания Православной Церкви. Яркой художественной особенностью Шмелёва является то, что он смотрит на смерть глазами православного христианина и в своём творчестве художественно разрешает проблему смерти в точном соответствии с догматическим учением Русской Православной Церкви. Его взгляд на смерть можно назвать уже не только эстетическим (как, например, у И. А. Бунина) или этическим (как, например, у Н. С. Лескова), но и подлинно религиозным, а именно православным. При этом его авторское видение и художественное изображение смерти многокомпонентно. Писатель подходит к художественному осмыслению проблемы смерти многогранно и разносторонне, что само по себе создает проблему, которая требует, в свою очередь, комплексного исследования. Таким образом, внутри общей темы смерти необходимо выделить несколько частных тем, рассмотрению которых будут посвящены дальнейшие исследования. Во-первых, это мотив памяти смертной, то есть жизни с постоянной мыслью о смерти, а память смертная сама является одним из элементов православного духовного

43 Шмелёв И. С. Лето Господне. Т. 4. С. 359.

44 Там же.

45 Интересно, что, как утверждает А. Я. Гуревич, такой же взгляд на смерть был присущ и европейцам раннего Средневековья. См.: Гуревич А. Я. Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии. С. 9.

делания. Во-вторых, это мотив светоносной смерти. В статье об эволюции световых образов в творчестве И. С. Шмелёва⁴⁶ было показано, что светоносность является одним из главных художественных атрибутов положительного героя у И. Шмелёва. Смерть святых и праведных людей у изучаемого писателя также обладает этим признаком. В-третьих, особого внимания заслуживает в творчестве Шмелёва проблема внезапной смерти. К ней примыкает, как антитеза, тема предугаданной заранее смерти. В-четвертых, И. Шмелёв уделяет внимание проблеме страха перед смертью и показывает, что смерть не страшна для праведного и верующего человека. И, в-пятых — и это самое главное — И. С. Шмелёв, разрабатывая тему до логического конца, утверждает христианскую идею победы над смертью. Все эти аспекты требуют рассмотрения.

Источники

- Андреев Л. Н.* Полное собрание сочинений и писем: в 23 т. / ред. В. Н. Быстров и др. Москва: Наука, 2007–.
- Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: [в 6 т.]. Т. 1. Рассказы 1898–1903 гг. / ред. И. Андреева, Ю. Верченко, В. Чуваков и др. Москва: Художественная литература, 1990.
- Бунин И. А.* Собрание сочинений в девяти томах. Москва: Художественная литература, 1965–1967.
- Лермонтов М. Ю.* Полное собрание сочинений. Москва; Ленинград: ОГИЗ Государственного издательство художественной литературы, 1948.
- Лесков Н. С.* Полное собрание сочинений в 30 томах. Москва: Терра, 1997.
- Пролог в поучениях: на каждый день года / сост. прот. В. Гурьев. Почаев: Свято-Успенская Почаевская Лавра, 2007.
- Пушкин А. С.* Сочинения в трех томах. Москва: Художественная литература, 1985.
- Тургенев И. С.* Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. Москва: Наука, 1978–2014.
- Тургенев И. С.* После смерти. Москва: Имидж; Кредо, 1992.
- Шмелёв И. С.* Солдаты // Москва. 1997. № 3. С. 4–88.
- Шмелёв И. С.* У старца Варнавы // *Шмелёв И. С.* Избранные рассказы. Нью Йорк: Изд. им. Чехова, 1955.
- Шмелёв И. С.* История любовная. Романы. Москва: Изд. журн. «Москва», 1995.
- Шмелёв И. С.* Собрание сочинений: в 5 т. Москва: Русская книга, 1998.

46 *Макаров Д. В.* Эволюция световых образов в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2019. № 4 (35). С. 257–278.

Литература

- Герасимов Ю. Н.* Философия смерти в лирике Бунина // Русская литература. 1996. № 2. С. 235–236.
- Гуревич А. Я.* Предисловие. Филипп Арьес: смерть как проблема исторической антропологии // *Арьес Ф.* Человек перед лицом смерти. Москва: Прогресс-Академия, 1992. С. 5–32.
- Дмитренко С. Ф.* Смерть в сюжетах произведений Лескова // Русская литература. 1996. № 2. С. 216.
- Зайцев Б. К.* О Шмелёве // *Зайцев Б. К.* Собрание сочинений: [в 11 т.]. Т. 6 (доп.). Москва: Русская книга, 1999. С. 365–367.
- Ковалева Н. Е.* Письма Махатм. Москва: Эксмо, 2011.
- Лермонтовская энциклопедия. Москва: Советская энциклопедия, 1980.
- Макаров Д. В.* Эволюция световых образов в творчестве И. С. Шмелёва // БВ. 2019. № 4 (35). С. 257–278.
- Мостовская Н. Н.* Повесть Тургенева «После смерти» в литературной традиции // Русская литература. 1993. № 2. С. 137–147.
- Моуди Р.* Жизнь после жизни. Москва: София, 2005.
- Шмеман А., протопр.* Литургия смерти. Москва: Гранат, 2013.
- Романович А.* Освобождение Толстого // Русская литература. 1996. № 4. С. 93–101.
- Саблина Н. П.* «Жизнь жительствоует»: тема смерти и бессмертия у русских поэтов // Проблемы исторической поэтики. Вып. 7. Петрозаводск: Изд. ПетрГУ, 2005. С. 112–124.
- Свети Јустин (Поповић).* Прогрес у воденици смрти. Шид: Српска православна Заједница, [Б. г.].
- Игнатий (Брянчанинов), свт.* Слово о смерти. Москва: Отчий дом, 2010.
- Сокурова О. Б.* Схватка жизни и смерти как ведущая тема русской литературы // Русская литература. 1996. № 4. С. 216.
- Чуваков В. Н.* Между стеной и бездной // *Андреев Л. Н.* Собрание сочинений: [в 6 т.]. Т. 1. Москва: Художественная литература, 1990. С. 5–40.
- Эпикур.* Письмо к Менекею // *Тит Лукреций Кар.* О природе вещей. Москва: Худож. Лит., 1983. С. 315–319.
- Epicurus.* Epistula ad Menoeceum // *Epicuro.* Opere / ed. G. Arrighetti. Turin: Einaudi, ²1973. P. 107–117.